УДК 398.224(515)

Л. В. Федорова

ЭПОС О КЕСАРЕ ЛИНГСКОМ КАК ИСТОЧНИК В ИССЛЕДОВАНИИ РЕЛИГИЙ ТЕНГРИ И БОН

В статье дается краткий обзор работ участников комплексных международных экспедиций в Тибет 2000-2004 гг. со сравнительным обзором эпосов и небесных религий тюрков, монголов и тибетцев. Даются гипотезы и выводы участников экспедиций, в основном использующих материалы Ю. Н. Рериха.

Автором на материале статьи Ю. Н. Рериха «The Epic of King Kesar of Ling» (Эпос о Царе Кесаре Лингском), опубликованного в 1942 г. в периодическом издании Индии в журнале Бенгальского Королевского Азиатского общества (The Journal of the Royal Asiatic Society, JRAS), которая затем вошла в том избранных трудов ученого, посмертно изданного Институтом народов Азии АН СССР в 1967 г. в Москве, рассматривается положение о связи эпоса о Кесаре с добуддийской небесной религией тибетцев бон. В сравнении с ними комплекса выводов приводимых авторов в еще ностратическом прошлом местом возникновения и центром распространения изначальных концептов культа Тенгри и небесной религии Бон указываются области Гималайского Каракорума.

Ключевые слова: Тибет, Центральная Азия, Каракорум, Уддияна, Кесара, Гэсэр, Нюргун, Манас, Кезер, олонхо, древние индоевропейцы, пратюрки, прамонголы, якуты, скифо-сибирская и древнетюркская эпохи, мифология якутов, тенгри, бон.

L. V. Fedorova

The epic of King Kesar of Ling as source in investigation of Tengri and Bon religions

The article gives brief review on complex international expedition participant's work to Tibet in 2002-2004 with comparative review of of Turkic, Mongolian and Tibetan epics and religions. Hypothesis and conlusions of the participants of expedition based on the materials of Yu. N. Rerikh are given in the article.

The author considers position of Kesar epos connection with Bon prebuddhistic celestial religion of Tibetan on the basis of Yu. N. Rerikh`s article "The Epic of King Kesar of Ling" published in 1942 in Indian periodical the Journal of the Royal Asiatic Society, JRAS. Then the article was included in the selects of Rerikh and published posthumously by Institute of Asian peoples of Academy of Sciences of USSR in 1967 in Moscow. In comparison with them the complex findings cited authors in another Nostratic last place of origin and center of the spread of the original concept of the cult of Tengri and celestial Bon religion identifies areas of the Himalayan Karakorum.

Keywords: Tibet, Central Asia, Karakorum, Uddiyana, Kesar, Geser, Nyurgun, Manas, Kezer, olonkho, Old Indoeuropians, pre-Turkic, pre-Mongolian, Yakut, Scythian-Siberian and Old Turkic epochs, Yakut mythology, Tengri, Bon.

Введение

В 2000-2004 гг. Фонд «Лена-Евразия» организовал и осуществил несколько проектов по реализации комплексных экспедиций в районы Тибет (КНР), Синьцзян-Уйгурии, а также Индию, Непал. В составе экспедиций участвовали известные деятели науки, культуры и искусства из республик России и Кыргызстана. Среди них такие известные ученые, как фольклористы И. Б. Молдобаев из Кыргызстана, Б. Б. Оконов из Калмыкии, С. М. Орус-оол из Тувы, А. М. Сулейма-

ФЕДОРОВА Лена Валерьевна – к. полит. н., директор Международного Фонда исследования Тенгри, заместитель директора Театра Олонхо Республики Саха (Якутия).

E-mail: tengrikonferens@mail.ru

FEDOROVA Lena Valeryevna – Candidate of Political Sciences, Director of International Fund of Tengri investigations, assistant director of Olonkho theatre of Republic of Sakha (Yakutia).

E-mail: tengrikonferens@mail.ru

нов из Башкортостана, В. В. Илларионов, В. М. Никифоров, С. Д. Мухоплева, Н. А. Дьяконова из Якутии, этнографы А. И. Гоголев, Н. А. Алексеев, С. И. Петрова из Якутии, С. П. Тюхтенева из Горного Алтая, филолог Г. Г. Левин из Якутии, а также политологи М. В. Романова из Бурятии и Л. В. Федорова из Якутии.

Целью экспедиций был сбор материалов, в т. ч. и по великому эпосу центрально-азиатских скотоводов о Кесаре-Гэсэре, распространенному по всей длине горно-степных районов Евразии – от Тибетского нагорья до Байкала. Позднее силами участников этих проектов в 2007 г. в Якутске было инициировано и организовано проведение I Международной научно-практической конференции «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность». С того момента эта конференция состоялась два раза в Монголии, по одному разу в Туве и Болгарии. В 2017 г. проведение очередной VI конференции планируется в Казахстане. В 2011 г. постоянные участники этих конференций учредили Международный Фонд Исследования Тенгри (МФИТ). Целью деятельности этого Фонда является комплексное изучение феномена Тенгри, где основным источником признано эпическое наследие народов Евразии.

В этой связи, участникам указанных экспедиций и конференций интересен один из выводов работы Ю. Н. Рериха «The Epic of King Kesar of Ling» (Эпос о Царе Кесаре Лингском), опубликованной в 1942 г. в периодическом издании Индии в журнале Бенгальского Королевского Азиатского общества (The Journal of the Royal Asiatic Society, JRAS), которая затем вошла в том избранных трудов ученого, посмертно изданного Институтом народов Азии АН СССР в 1967 г. в Москве [1, с. 181-215], а именно положение о связи эпоса о Кесаре с добуддийской небесной религией тибетцев бон.

Сравнительное изучение эпоса о царе Кесаре Лингском с другими эпосами народов Евразии

В целом востоковеды ленинградской школы Ю. Н. Рерих, С. А. Козин, Ц. Дамдинсурэн и др. внесли большой вклад в становлении мирового гэсэроведения. Ю. Н. Рерих первым из ученых-европейцев, обладая достаточным лингвистическим опытом, получил возможность в XX в. записать повествования сказителей о герое тибетского эпоса о Кесаре («Гэсэриада»). Монголовед С. А. Козин издал переводы и комментарии монгольского эпоса «Гэсэриада» в 1935 г. В начале 50-х гг. XX в. монгольский ученый-лингвист Ц. Дамдинсурэн собрал монгольские версии «Сказания о Гэсэре» и написал труд «Исторические корни Гэсэриады» [2]. На сегодняшний день известен эпический цикл устных и письменных сказаний о Гэсэр-хане в прозаических версиях тибетского[1] и монгольского народов, а также в бурятских стихотворных версиях «Гэсэриады» (полное название – «Повесть о Гэсэр-хане, владыке десяти стран света»). Работу Ю. Н. Рериха «Сказание о царе Кесаре Лингском» впервые в полном объеме на русский язык перевела и опубликовала его ученица В. С. Дылыкова-Парфионович [3].

Рис. 1. Кесар из Линга (Художник Лянь Руй Ван)

[1] Ксилограф тибетской поэмы о Гэсэре из личной библиотеки Ю. Н. Рерих подарил известному синологу и тибетологу XX в., крупнейшему исследователю «Гэсэриады» Рольфу Альфреду Стейну (Штайну).

Поскольку экспедиции Фонда «Лена-Евразия» состоялись в Тибете, участники в своих работах апеллируют к трудам Ю. Н. Рериха о Кесаре. Так, известный манасовед И. Б. Молдобаев в своей статье отмечает, что «представляется возможность сравнительного изучения эпоса «Гэсэр» с другими сказаниями центральноазиатских народов, в частности с известным кыргызским героическим эпосом «Манас» [4]. Он пишет, что «говоря о тибетских сказителях, Ю. Н. Рерих отмечал, что они знают эпос наизусть «и часто поют в состоянии своеобразного транса», такими были и кыргызские сказители манасчи в еще недалеком прошлом. В настоящее время таких сказителей как в Кыргызстане, так и в Тибете почти не осталось. В этом мы имели случай убедиться, побывав в некоторых районах Тибета осенью 2001 г. Встречающиеся изредка сказители рассказывают сегодня «Гэсэра» по книгам» [4].

Он находит параллели между «Манасом» и «Гэсэром» в размерах эпосов, их сюжетах, манере исполнения, современного состояния сказительской традиции, географических названиях и т. д. В частности он пишет, что в «Манасе» упоминаются Тибет, Гималаи и др. соседние районы. Например, Ю. Н. Рерих в своем исследовании называет озеро Куку-Нор по-кыргызски Коко-Ноор. Это название вместе с пустыней Гоби упоминается и в эпосе «Манас». Он также подметил еще одно сходство – упоминание носорога в обоих эпосах. Ю. Н. Рерих писал: «В монгольском тексте мы также находим тибетские название единорога (носорога) – серу… ». В «Манасе» носороги (по-кыргызски керик) участвуют в боевых действиях. И. Б. Молдобаев, отмечая в своей статье об этом, пишет, что в эпосе «Манас» носороги применяются в бою [4]. Также он предположил связь между названиями священного озера Манасаровар (Manasarowar) в Тибете, реки Манас в Синьцзян Уйгурии и озера Манас в Горном Алтае и с именем кыргызского богатыря Манас. Также, он пишет – «отмечая случаи сходства в эпосах «Гэсэр» и «Манас», мы не можем не отметить почитание белого цвета. В «Манасе» даже боевое одеяние воина называется «ак олпок». Слово «ак» означает «белый», а вторая часть – «олпок» – маньчжурского происхождения и означает «латы» [4]. Также подчеркнул общее в обоих сказаниях и в почитании коня, превращениях героя в образ другого персонажа или животное. Любопытно и то, что, анализируя различные издания эпоса разными авторами, ученый обратил внимание на название страны Пар-Пурум из надписи в Хошо-Цайдаме в Северной Монголии. Он отмечает, что страна Пар-Пурум упомянута в этой надписи вместе с Тибетом и словом Киргиз [4]. Далее он отмечает, что древние кыргызы действительно имели связи с Тибетом. Известно, что брат Барс-бега, кагана кыргызов начала VIII в., был послан в Тибет и не вернулся. В целом, И. Б. Молдобаев считает, что сравнительное изучение исторических основ «Гэсэра» и «Манаса» позволило бы решить немало вопросов, связанных с этногенезом и этнокультурными связями кыргызов и других центральноазиатских народов с древним населением Тибета.

Еще один участник, фольклорист из Тувы С. М. Орус-оол в своей статье «По дорогам Тибета» обстоятельно описала будни, мероприятия экспедиции 2001 г. по Тибету и Синьцзян-Уйгурии, где отразила и свои фольклорно-этнографические наблюдения [5, с. 102-157]. Она также отмечает труд Ю. Н. Рериха, где он родиной Гэсэриады считает Тибет и откуда она проникла в монгольский и тюркские миры. С. М. Орус-оол пишет, что если монгольская версия переведена С. А. Козиным на русский язык и издана в 1935 г., то тувинская – «Сказание о благородном Кезер-Мергене, владыке десяти стран света, победителе темных сил» – опубликована Д. С. Кулуром в 1955 и 1974 гг. в Кызыле на языке оригинала [5]. С. М. Орус-оол приводит мнение С. Ю. Неклюдова о том, что тувинская версия полностью зависима от монгольского книжного свода, но не от ксилографа, а от какой-то неизвестной рукописной редакции, т. к. компоновка глав в ней, по его мнению, представлена другая [5].

Из якутских фольклористов С. Д. Мухоплева, участник экспедиции по Тибету 2000 г., пишет, что в олонховедении традиция сравнительного изучения зародилась в 50-60-х гг. прошлого столетия [6]. Олонхо изучается в сопоставлении с иностадиальными по отношению к нему эпосами народов Европы. В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, В. М. Гацак, Б. Н. Путилов в своих известных монографических трудах красной нитью проводят мысль о том, что история эпоса едина. Они указали, что для восстановления древнейших этапов развития эпоса целесообразно использовать раннестадиальный эпический материал народов Сибири, в т. ч. якутский героический эпос Олонхо. Олонхо в орбиту сравнительно-типологических изысканий Гэсэриады

было привлечено благодаря И. В. Пухову и С. Ю. Неклюдову. И. В. Пухов, сопоставляя олонхо с эхирит-булагатской версией бурятского «Гэсэра» (вариант знаменитого улигершина Маншута Имегенова, изданный в 1961 г.) [7], показал, что героический эпос двух народов имеет схождения не только в стилистике, сюжетно-композиционном строении, изображении образов персонажей, но и на уровне лексики. В отличие от первого автора С. Ю. Неклюдов сравнивал монгольскую версию «Гэсэра» только с группой олонхо о защитниках племени *айыы* [8]. Он, оперируя олонхо о Нюргуне, выявил сходность образов не только главных героев: тибет-монгольского Гэсэра (в его наиболее архаической ипостаси ниспосланного с неба «культурного героя») и якутского Нюргуна, которого боги спускают на землю в целях очищения ее от чертей – *абаасы,* но и «небесных сестер» Гэсэра и «сестер – небесных удаганок» Нюргуна [8, с. 258].

Сама С. Д. Мухоплева сопоставила некоторые сюжеты тибетского и якутского эпосов [6]: «В героических эпосах двух ныне далеких друг от друга по языку и территориально народов разрабатываются две основные темы: женитьба героя и защита от врагов. События в них в целом строятся и развиваются в биографическом плане, с рождения героя и до его последнего подвига, окончательно устанавливающего счастье и мир на земле. Эти две общие темы в эпосе тибетцев и якутов разрабатываются своеобразно. В олонхо эпические действия разворачиваются во всех трех сферах мира: верхнем, среднем и нижнем. В силу этого Нюргуна, рожденного в верхнем мире, вместе с родной сестрой, или в одном варианте – одного, спускают в средний мир малолетним мальчиком. Оттого он имеет только небесных родителей и носит лишь одно имя». В тибетском эпосе персонажи уже не путешествуют свободно по трем мирам. Хотя в эпосе говорится о трех подразделениях или сферах мира (небесах, мире людей, подземном мире или мире нагов) [9, с. 56-87]. Здесь на смену шаманской мифологии приходит буддийская вера в перерождение души. Вследствие этого Кесару необходимы и земная мать для перерождения на земле и второе имя. Эпические герои – Кесар / Нюргун, появляются на «земле» по воле богов в целях защиты народа Линга / племени *айыы*. Мотив просьбы людей Линга и *айыы* спустить им царя / защитника находит свое развитие лишь в западнотибетской версии Кесара и в самозаписи олонхо К. Г. Оросина (сюжет № 66) [8].

Рис. 2. Богатырь Среднего мира в пути (Художник В. С. Карамзин, 1969 г.)

Этот мотив в якутском эпосе только обозначен, а в тибетском – развернут в отдельный сюжет, рассказывающий о происхождении страны Линг. Его содержание в изложении Ю. Н. Рериха таково: «В древние времена жила супружеская пара, владевшая небольшим участком земли. На этой земле росла только трава, которая постепенно стала высокой, как деревья, и принесла плоды. Плоды сложили в амбар, где они превратились в червяков. Червяки начали поедать друг друга, и в конце концов остался только один червяк, который превратился в мальчика, ставшего

затем могучим охотником. Он убил демона с девятью головами, а из его тела сотворил страну Линг. Затем он женился на восемнадцати девушках, которые стали матерями восемнадцати пабо, героев Линга. … Однажды Пэльле (один из восемнадцати пабо – *С. М.*) пас коз и увидел, как белая птица борется с черной. Он сразу же понял, что черная птица – воплощение демона и убил ее камнем из пращи. Тогда белая птица превратилась в Индру, который пообещал юноше выполнить любую его просьбу. Пэльле попросил, чтобы один из сыновей Индры был послан в страну Линг. … Выполняя просьбу, Индра отправил в Линг своего младшего сына Дондупа / Дончупа (Кесара – *С. М.*)» [6].

Данный сюжет о превращении червяка в мальчика, ставшего затем могучим охотником, создателем страны Линг и прародителем его людей не имеет своих аналогов в якутском фольклоре, но его весьма любопытно сравнить с этнографическими фактами якутской действительности, точнее с обычаем, описанным еще И. А. Худяковым [10]. «Если во время своего замужества женщина не рожает детей, то из желания иметь потомство она прибегает к следующему средству: она отправляется одна в лес к *арык мас,* лиственнице, густо сросшейся кверху, что бывает редко. Под этим деревом стелют чисто белую кобылью шкуру с головой и лапами. На нее она становит *чороон* с кумысом и затем, сидя на той же шкуре, говорит: «… Дух сросшейся сверху лиственницы! Создай и дай (мне) ребенка, назначенного (для того), чтобы завещать ему мой дом и огонь, чтобы похоронить мои кости, имеющие быть заветными». Если дух дерева (*арык иччитэ*) дает (дитятю), то дерево станет скрипеть и на конскую шкуру падает червь**,** женщина берет его, проглатывает и от этого становится беременной. Дерево же это (*арык*) высыхает с одного раза» [10, с. 164-165]. В сюжете сказания о Кесаре нет логической связи между супружеской парой, червем и плодоносящей травой. Якутский материал, на взгляд С. Д. Мухоплевой, помогает восстановить эту связь, раскрывает тайну чудесного превращения червяка в мальчика.

В целом, начало сравнительному изучению религиозных верований якутов в рамках тюркских народов Сибири положили монографические труды участника Непальской экспедиции 2003 г., известного якутского этнографа Н. А. Алексеева [11]. Приведенные в его работах сравнительные материалы убедительно свидетельствуют о значительной близости, однотипности существовавших у тюркских народов религиозных верований. Н. А. Алексеев указывает, что причина этого не только в единстве тюркского этноса. Некоторые примеры, как он полагает, свидетельствуют об усвоении тюрками Сибири каких-то верований, характерных для древнейшего населения Евразии.

Также, один из участников экспедиции по Тибету и Синьцзян-Уйгурии 2001 г., известный якутский историк А. И. Гоголев в своей работе «Индоевропейские связи в формировании древнетюркской культуры (на этнокультурных и языковых материалах)» [12], используя языковые, археолого-этнографические, фольклорные и частично антропологические материалы по ираноязычным, древнетюркским племенам Южной Сибири и современной Северо-Западной Монголии преимущественно на уровне I тыс. до н. э., аргументированно доказал роль скифо-сибирской эпохи в культурогенезе древних тюрков.

В указанной работе он отмечает, что в пратюркское время прослеживаются контакты с китайцами (эпоха позднедревнекитайского и среднекитайского языков), выявляются контакты с индоевропейскими языками – тохарским, причем, как считают Э. Р. Тенишев и А. В. Дыбо, массированное заимствование происходило скорее из пратюркского в новотохарский и иранский. Основная часть древних иранизмов «имеет не пратюркский, а межтюркский характер, т. е. заимствования происходили уже раздельно в разделенные диалекты» [12, с. 67], т. е. на протяжении I тыс. н. э. При этом анализ лексики тюркских, в особенности древнейшего их пласта, свидетельствует о том, что большое число скотоводческих терминов заимствовано тюрками из индоевропейских, главным образом из иранских языков. Но некоторые из них, видимо, следует отнести к древней мезолитической эпохе ностратической языковой общности.

Лексические параллели можно было бы датировать второй половиной II тыс. – середины I тыс. до н. э., т. к. санскрит, своеобразная латынь Индостана, оформляется с середины I тыс. до н. э. на базе ведийского языка, временем становления которого считается вторая половина II тыс. до н. э., язык культовой поэзии, религиозно-философской комментарской прозы [14, с. 8]. В свою очередь, ведийский восходит к древнейшему индоевропейскому праязыку. При этом якутские аналоги санскритских лексем, как отмечалось выше, почти целиком относятся к

архаической лексике эпоса и ритуальных песен, многие из них в обыденной речи уже вышли из употребления [15, с. 8]. Е. С. Сидоров писал: «Бесписьменный тюркский праязык не мог перенимать слова из письменного классического санскрита. Заимствования могли произойти на уровне праязыков: ведийского или, вернее доведийского древнеиндийского (древнеиндоевропейского) и какого-то древнейшего тюркского праязыка» [12, с. 68]. В этом его убедило большое количество дравидийских слов в санскрите со ссылкой на труд Т. Барроу, где приводится список в 108 слов дравидийских заимствований в санскрите [16]. А начало языковых контактов между индоариями и дравидийцами относится, по крайней мере, к XV-XIII вв. до н. э. [17, с. 79].

Зоной древнейших контактов этими исследователями и другими признаются Пенджаб или районы Северо-Западной Индии. «Источником санскритско-якутских схождений, – делает вывод Е. С. Сидоров, – мы считаем тюркский праязык – язык сюнну. Время – I тысячелетия до н. э.» [12, с. 68]. Ранние якутско-иранские, якутско-ведийские языковые заимствования в пратюркской среде, сохранившиеся в якутском языке, находят частично подтверждение в предположении иммуногенетика В. В. Фефеловой о наличии общего древнего предка у якутов и хинди Индостана в лице древних ариев. Дело в том, что В. В. Фефелова обнаружила в составе крови этих народов общие антигены HLA-AT и HLA-B17. В этом плане тюркоязычные предки якутов, возможно, представляли часть пратюркской общности, сохранившей следы древних контактов с индоиранскими языками в эпоху скифо-сибирского периода или еще до этого. По мнению В. В. Фефеловой, древний европеоидный пласт («арийский») принимал участие в этногенезе якутов, «но в настоящее время скрыт более поздним монголоидным наслоением...» [18, с. 11].

А. И. Гоголев пишет, что древнетюркские религиозно-мифологические представления известны в основном из эпитафических записей, имеют центрально-азиатскую основу, условно обобщенные термином *тенгрианство* (культ неба). В частности, он отмечает: «М. Рясянен считал слово *Teŋri* китайским заимствованием. Того же мнения придерживался и Г. И. Рамстедт [12, с. 70]. У современных тюркских народов Южной Сибири концептуальная основа древнетюркской религии сохранилась, хотя в их мифологиях влияние индоевропейской мифологии четко не проявляется. Другое дело у якутов, у которых в религиозно-мифологических представлениях сохранились целые сюжетные фрагменты мифологии древних индоевропейцев. Так, в частности, в мифологии народа саха создателями Вселенной выступает триада богов, что является довольно распространенным мотивом в индоевропейской мифологии. Мир, сотворенный триадой богов, состоял в начале из неба, которое было как маленькое кольцо, и Земли, похожей на большой четырехугольный коврик» [12, с. 70]. В Южной Сибири, особой скифо-сибирской провинции, культ коня и солнца, как вскользь отмечалось выше, получил широкое распространение в VII-IV вв. до н. э. Поэтому конь в верованиях тюркоязычных народов Сибири занимает большое место. Причем среди них, по утверждению Л. П. Потапова, культ коня лучше всего сохранился у якутов. «В нем наблюдаются многие черты, уже либо полностью исчезнувшие из данного культа у народов Саяно-Алтая, либо оставшиеся у них в столь ослабленном виде, что понять их можно лишь при помощи якутского материала» [19, с. 165].

В олонхо Вселенная уподобляется прекрасному жеребцу в расцвете сил – *айгыр силик.* Близкие представления зафиксированы у древних ариев – ночное небо отождествляли с черным конем, украшенным жемчужинами. В древнеиндийских текстах пишется о том, что из частей тела, принесенного в жертву первородного коня, произошли элементы Вселенной. Вообще следует отметить, что конь у древних индоевропейцев являлся зооморфным образом всего Космоса [20, с. 31]. В якутском эпосе древнее божество в образе коня-неба называется *түөрт атахтаах түргэн айыы* «быстрейшее четырехногое божество-творец». На основе этих данных становится понятным значение одного интересного обряда, описанного в «Ригведе»: чтобы получить царское достоинство и могущество, ведийский царь на год выпускал на волю своего лучшего жеребца белой масти. Близкий к нему обряд – *ызык, ыдык* «посланный от бога» – существовал у тюркоязычных народов Южной Сибири и монголов. У якутов он назывался *ытык сылгы* «священный конь», предназначенный небесным божествам. Кроме того, якуты в старину божеству солнца *Юрюнг Айыы тойону*, а у алтайцев – *Ульгэну*, выбирали в жертву белую лошадь. Древний аналог этого обряда существовал у персов, которые приносили в жертву божеству солнца *Митра* белых коней [21, с. 13-14].

Возможно, пишет А. И. Гоголев, якутско-индоиранские культурные, религиозно-мифологические параллели можно объяснить типологическими аспектами. Тем не менее, он считает, что большинство параллелей (в том числе языковые) говорят о том, что скифо-сибирская эпоха, возможно, через переходное гунно-сарматское время, оказала существенное влияние на формирование древнетюркской культуры. Учитывая факт близости сакского с языком авестийских иранцев, можно подчеркнуть его близость и с языком ведических ариев. Возможно, поэтому в якутской культуре и языке сохранились некоторые субстратные элементы, по всей вероятности, возникшие еще в эпоху общеарийской общности. В связи с этим уместно привести мнение академика О. Н. Бетлингка о том, что «ослабление основы, аналогично санскритскому..., в высшей степени излюблено в якутском языке» (он являлся санскритологом) [22, с. 55]. А по мнению академика В. В. Радлова, первоначально язык саха принадлежал к какому-то неизвестному языку нетюркского происхождения [23, с. 56-57]. С этим согласна и часть современных тюркологов: «Следует учесть, – пишут они, – особенности якутской фонетики, развивавшиеся в условиях иноязычной, нетюркской среды» [13, с. 328-329]. В целом вывод А. И. Гоголева в этой работе – скифо-сибирская эпоха являлась частью древней индоевропейской общности Евразии, представляла ответвление древней индоиранской этнокультуры.

Дополнительные подтверждения этого положения дает анализ работ Ю. Н. Рериха, трудов ленинградских востоковедов Б. Н. Кузнецова [24] и Л. Н. Гумилева [25], связанных с историей тибетцев, религии бон. В этой связи, здесь можно привести дополнения к обоснованию этого положения. Например, древние предки современных тюркоязычных и монголоязычных народов, создавшие систему культа Неба-Тенгри (*Тэнгэр, Дээр, Тигир, Тангра, Танра, Танара, Чинли, Ченри, Юрюнг Аар Айыы Тойон, Ах Кудай, Курбустан, Хайракаан*), как и бонцы, устраивали большие небесные моления. Обращаясь к Небу, они производили магические действия, произносили молитвы и клятвы. При этом надо отметить, что основатель бона Шенраб считается эманацией света, его божеством покровителем является «Белый свет».

Л. Н. Гумилев, как и Б. И. Кузнецов, считает, что Шенраб из Шаншуна – выходец племени арийского происхождения. Первым предшественником Шенраба был в отдаленные времена Тогйал Екхен, проповедовавший учение живым существам, мучимых гордыней, страхом, гневом, завистью, темнотой ума, и которых, в свою очередь, могут подавить бонские боги – богжрец Белый свет и др. Согласно бонской космологии, мир устроен из трех сфер: небесной области богов, земной – людей и нижней – водяных духов. Мистическое дерево прорастает сквозь три вселенные и является путем, по которому миры соотносятся между собой. Аналогично устроено мироздание и в якутском олонхо.

Дополняя к этому, можно подчеркнуть, что с религией бон связана и традиция проведения специальных церемоний и мистерий, связанных с Гэсэром. В Монголии некоторые монастыри школы гелукпа обычно устраивали специальные «мистерии» для Кесара, или *Гэсэрин цам* [25]. Такие мистерии *цам* проводились на шестой месяц года в бывшем Далай Чоинхор Ван хошуне и в монастыре Илагугсан Гэгэн в Западной Монголии. Ламы, участники этих цамов-мистерий, представляли 32 воинов – спутников царя Кесара, одетых в доспехи (монг. *хуяк,* як. *куйах*).

Известно, что существуют театральные представления подвигов царя Кесара среди монголов-сычуань в провинции Ганьсу. На скачках, называемых *Дзон-гьеб шамбэ*, или «мчаться галопом позади крепости», устраиваемых в Лхасе за дворцом Потала, всадники (тиб. *тапа*), одетые в древние тибетские доспехи и вооруженные луком и стрелами, говорят, представляют воинов царя Кесара [25]. В Западном Тибете праздник проводится весной и называется на наречии кунавари «Праздником Кесара». В Ладаке он называется *Да-пхангче*, или «пускание стрелы» (также может переводиться как «стрельба из лука»). Во время праздника поются «песни Линга», или *Линглу*, и мужское население развлекает себя стрельбой из лука. Вокруг полей проходят процессии, чтобы освятить их. *Обо*, или алтари, украшают свежими веточками и возжигают пучок из кедра. В якутском олонхо аналогичные мистерии проводятся в честь встречи, проводов Нюргуна. В целом, это традиционные обряды кропления кумыса *ысыах*, проводимые в дни летнего солнцестояния, тоже в шестом месяце – июне в честь *Юрюнг Аар Айыы Тойон* (Господа Белого Творца), духов праведных предков – верхних *айыы*. К слову, сегодня в Якутии ежегодно в дни летнего солнцестояния на государственном уровне

проводятся праздники *Ысыах Олонхо* с небесными религиозными обрядами и театрализованными мистериями по сюжетам олонхо.

Так вот, в олонхо у Нюргуна также 32 *боотуров*-спутников, которых он вызволяет из плена, выводит из глубокого ущелья [26]. Все они обитатели среднего мира, долины *Кюн Ёркён* (Луча Солнца), созвучного с названием мифической тайной долины *Оргенекон*, откуда вышли схоронившиеся от врагов героические предки тюрков и монголов. А также с тибетским названием *Оргьен* древней страны *Уддияна* (санскр). В тибетских источниках Уддияна располагалась к западу от Уя (Центрального Тибета) в Свате. По мнению Б. И. Кузнецова и других исследователей, Уддияна включала в себя восточную часть Афганистана и долину Сват в Пакистане, территорию между современными Афганистаном и Индией. Из существующих в наши дни названий созвучно с названиями сомона Ёргён в аймаке, Дорноговь в юго-восточной Монголии, города Ургенч – центра Хорезмской области Узбекистана, административного центра Кёнеургенч Дашогузского велаята Туркменистана.

Заключение

Опираясь на выводах этих и других материалов, анализе материалов экспедиций, автор данной статьи в своих работах «Евразийство и стремление к древнейшей или новой религиозности универсальных идей» [27], «Сакральное в идеологии евразийства» [28] и др. исследовала культурные и исторические связи небесного культа Тенгри с небесным культом религии бон. В целом общий вывод исследований таков: местом возникновения и центром распространения культа Тенгри и небесной религии бон могут быть области Гималайского Каракорума, охватывающие прилегающие районы современных Тибета, Памира, Гиндукуша, Кунь-луня. Эти районы – место контактов древних прапредков большинства современных народов Евразии в ностратическом прошлом.

Литература

1. Рерих Ю. Н. Избранные труды. – М.: Наука, 1967. – 574 с. (на англ. яз.)

2. Дамдинсурэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 239 с.

3. Рерих Ю. Н. Сказание о царе Кесаре Лингском / Перевод В. С. Дылыковой-Парфионович. URL: http://www.icr.su/upload/49_Nasledie_.pdf (дата обращения: 21.06.2016).

4. Молдобаев И. Б. К вопросу о сравнительном изучении эпосов «Гесэр» и «Манас» в свете трудов Ю. Н. Рериха. URL: http://tengrifund.ru/k-voprosu-o-sravnitelnom-izuchenii-eposov-geser-i-manas-v-svete-trudov-yu-n-rerixa.html (дата обращения: 21.06.2016).

5. Орус-оол С. М. По дорогам Тибета / В поисках прародины. – М.: Стерх, 2003. – 240 с.

6. Мухоплева С. Д. К вопросу сравнительного изучения эпоса и религии народа саха. URL: http://tengrifund.ru/k-voprosu-sravnitelnogo-izucheniya-eposa-i-religii-naroda-saxa.html (дата обращения: 21.06.2016).

7. Пухов И. В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири: общность, сходства, различия // Типология народного эпоса. – М.: Наука, 1975. – С. 12-63.

8. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – М.: Наука, 1980. – 375 с.

9. Рерих Ю. Н. Сказание о царе Кесаре Лингском // Тибет и Центральная Азия: статьи, лекции, переводы. – Самара: ИД «Агни», 1999. – 371 с.

10. Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. – Л.: Наука, 1969. – 372 с.

11. Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – 317 с.

12. Гоголев А.И. Индоевропейские связи в формировании древнетюркской культуры (на этнокультурных и языковых материалах) // Вестник Северо-Восточного Федерального Университета им. М.К. Аммосова. – Якутск, 2015. – вып.1, т. 12., 2015. – 64-74 с.

13. Елизаренкова Т. Я. Ведийский язык. – М.: Наука,1987. – 181 с.

14. Барроу Т. Санскрит / Пер. с англ. – М.: Прогресс,1976. – 411 с.

15. Бонгард-Левин Г. М., Гуров Н. В. Древнейшая этнокультурная история народов Индостана: итоги, проблемы, задачи исследования//Древний Восток. Этнокультурные связи. – М., 1988. – 90 с.

16. Фефелова В. В., Высоцкая Г. С. Изучение распространения антигенов системы HLA у коренных народностей Сибири как основа для анализа этногенеза популяций. Препринт ВЦ СО РАН. № 12. – Красноярск, 1987. – 17 с.

17. Потапов Л. П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л., 1977. – 164-178 с.

18. Акишев А. К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата, 1987. – 176 с.

19. Гоголев А. И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Научно-популярное издание. – Якутск: Изд-во Якутского гос. ун-та, 2002. – 104 с.

20. Бетлингк О. Н. О языке якутов / Пер. с нем. В. И. Рассадина. – Новосибирск, 1989. – 646 с.

21. Radlobb W. Die jakutische spvache in ihrem Veren Veralnisseru den turksprachen. Abteulunq history.-filol., T.VIII, No.7.spx.: Kaiser-lichen. Akad. Wissenschaft, 1908. – 56-57 S. (на нем. яз.)

22. Кузнецов Б. И. Древний Иран и Тибет (История религии бон). – СПб.: Евразия, 1998. – 352 с.

23. Гумилев Л. Н. Древний Тибет. – М.: Изд. «ДИ-ДИК», 1996. – 559 с.

24. Эргис Г. У. Олонхо К. Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный» – Вып. 1. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. – 410 с.

25. Федорова Л. В. Евразийство и стремление к древнейшей или новой религиозности универсальных идей. – Якутск: ИД СВФУ им. М. К. Аммосова, 2012. – 256 с.

26. Федорова Л. В. Сакральное в идеологии евразийства: Монография. – София, Болгария: Общеболгарский Фонд «ТАНГРА ТанНакРа» издательский дом, 2015. – 127 с.

References

1. Rerih Ju. N. Izbrannye trudy. – M.: Nauka, 1967. – S. 181-215 (na angl. jaz.).

2. Damdinsurjen C. Istoricheskie korni Gjesjeriady. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. – 239 s.

3. Rerih Ju. N. Skazanie o care Kjesare Lingskom. Perevod V. S. Dylykovoj-Parfionovich. Jel. resurs: http://www.icr.su/upload/49_Nasledie_.pdf [21.06.2016]

4. Moldobaev I. B. K voprosu o sravnitel'nom izuchenii jeposov «Gesjer» i «Manas» v svete trudov Ju.N.Reriha Jel. resurs: http://tengrifund.ru/k-voprosu-o-sravnitelnom-izuchenii-eposov-geser-i-manas-v-svete-trudov-yu-n-rerixa.html [21.06.2016]

5. Orus-ool S. M. Po dorogam Tibeta. – V poiskah prarodiny. – M.: Sterh. 2003. – 240 s.

6. Muhopleva S. D. K voprosu sravnitel'nogo izuchenija jeposa i religii naroda saha. Jel. resurs: http://tengrifund.ru/k-voprosu-sravnitelnogo-izucheniya-eposa-i-religii-naroda-saxa.html [21.06.2016]

7. Puhov I. V. Geroicheskij jepos tjurko-mongol'skih narodov Sibiri. Obshhnost', shodstva, razlichija. Tipologija narodnogo jeposa. – M., 1975. – 12-63 c.

8. Emel'janov N. V. Sjuzhety jakutskih olonho. – M., 1980. – 375 s.

9. Rerih Ju. N. Skazanie o care Kjesare Lingskom // Tibet i Central'naja Azija: Stat'i, lekcii, perevody. – Samara, 1999. – 371 c.

10. Hudjakov I. A. Kratkoe opisanie Verhojanskogo okruga. – L., 1969. – 372 s.

11. Alekseev N. A. Rannie formy religii tjurkojazychnyh narodov Sibiri. – Novosibirsk, 1980. – 317 s.

12. Gogolev A. I. Indoevropejskie svjazi v formirovanii drevnetjurkskoj kul'tury (na jetnokul'turnyh i jazykovyh materialah) // Vestnik Severo-Vostochnogo Federal'nogo Universiteta im. M.K. Ammosova. – Jakutsk, 2015. – Vyp. 1, t. 12., 2015. – 64-74 s.

13. Elizarenkova T. Ja. Vedijskij jazyk. – M.: Nauka, 1987. – 181 s.

14. Barrou T. Sanskrit / Per.s angl. – M.: Progress, 1976. – 411 s.

15. Bongard-Levin G. M., Gurov N. V. Drevnejshaja jetnokul'turnaja istorija narodov Indostana: itogi, problemy, zadachi issledovanija//Drevnij Vostok. Jetnokul'turnye svjazi. – M., 1988. – 90 s.

16. Fefelova V. V., Vysockaja G. S. Izuchenie rasprostranenija antigenov sistemy HLA u korennyh narodnostej Sibiri kak osnova dlja analiza jetnogeneza populjacij. Preprint VC SO RAN. № 12. – Krasnojarsk, 1987. – 17 s.

17. Potapov L. P. Kon' v verovanijah i jepose narodov Sajano-Altaja // Fol'klor i jetnografija. Svjazi fol'klora s drevnimi predstavlenijami i obrjadami. – L., 1977. – 164-178 s.

18. Akishev A. K. Iskusstvo i mifologija sakov. – Alma-Ata, 1987. – 176 s.

19. Gogolev A. I. Istoki mifologii i tradicionnyj kalendar' jakutov. Nauchno-populjarnoe izdanie. – Jakutsk: Izd-vo Jakutskogo gos. un-ta, 2002. –104 s.

20. Betlingk O. N. O jazyke jakutov / Per. s nem. V. I. Rassadina. – Novosibirsk, 1989. – 646 s.

21. Radlobb W. Die jakutische spvache in ihrem Veren Veralnisseru den turksprachen. Abteulunq history.-filol., T.VIII, No.7.spx.: Kaiser-lichen. Akad. Wissenschaft, 1908. – 56-57 s. (na nem. jaz.)

22. Kuznecov B. I. Drevnij Iran i Tibet (Istorija religii bon). – SPb.: Evrazija, 1998 – 352 s.

23. Gumilev L. N. Drevnij Tibet. – M.: Izd. «DI-DIK», 1996/ – 559 s.

24. Jergis G. U. Olonho K. G. Orosina «Njurgun Bootur Stremitel'nyj» – Vyp. 1. – Jakutsk: Gosizdat JaASSR, 1947. – 410 s.

25. Fedorova L. V. Evrazijstvo i stremlenie k drevnejshej ili novoj religioznosti universal'nyh idej. – Jakutsk: ID SVFU im. M. K. Ammosova, 2012. – 256 s.

26. Fedorova L. V. Sakral'noe v ideologii evrazijstva / Monografija. – Sofija, Bolgarija: Obshhebolgarskij Fond "TANGRA TanNakRa" izdatel'skij dom, 2015. – 127 s.